

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.Ф. Алефиренко

ТЕКСТ - ДИСКУРС - ЯЗЫК

Введение. Дискурсивный анализ возник в середине XX века как логическое продолжение идей, объединяемых предшествующей дисциплиной - лингвистикой текста (В. Г. Гак, С. И. Гиндин, Т. М. Николаева, Е. В. Падучева и др.). Традиционно текст рассматривается как совокупность написанного и сказанного на том или ином языке. В зависимости от этого различают речь письменную и устную. Продуктом письменной речи являются тексты художественной и научной литературы, периодические издания, древние рукописи, документы; продуктом устной речи - фольклорные произведения (песни, сказки, легенды, былины), а также выступления (на собраниях, митингах), радио- и телепередачи, обычная беседа.

1. Текст. Для языкознания текст первейший и самый ценный объект исследования. Ведь тексты как продукты речи и язык как система средств речевой коммуникации - две стороны одной медали. Без текста в широком его понимании невозможно исследовать язык. Дело в том, что язык непосредственному наблюдению и исследованию недоступен. Можно изучать только процессы говорения и понимания, то есть речевую деятельность, речь, и их продукты - тексты. Вне изучения текстов трудно представить изучение языковой системы. Почему? Потому что язык, по словам Л.В. Щербы, - это "то, что объективно заложено в данном языковом материале и что проявляется в индивидуальном речевых системах, возникающих под влиянием этого языкового материала" [Щерба 1974. 28]. Описание языковой системы осуществляется в направлении *текст > система*, то есть от непосредственно наблюдаемых синтагматических свойств языковых единиц к осмыслению их парадигматики (системы).

Понятие "текст" (лат. *textus* - ткань, сплетение) - достаточно сложный феномен.

ТЕКСТ

СИСТЕМА ЯЗЫКА

ки связанных предложений, развивающих одну основную тему или идею. Выделяют следующие основные средства связанности текста: (а) грамматические (единство времени и лица, особенности глагольных форм, модальность и др.), (б) однородность лексики, (в) тема-рематические последовательности, (г) кореференция (подчинение всех элементов одной теме) и (д) различные лексические средства связи (повторы, синонимы и др.). Благодаря этим свойствам текст характеризуется *единством формы и содержания*. Форма текста и - шире - коммуникации в последнее время стала предметом еще одной отрасли науки о тексте - теории речевых жанров [Дементьев 2006, 234]. В качестве примеров речевых жанров можно назвать *анекдот, болтовню, молву, молитву, граффити* и разного рода этикетные высказывания.

Признаки речевого жанра впервые были выделены М. М. Бахтиным. Это - типичная для каждого из них коммуникативная ситуация, экспрессия и экспрессивная интонация, объем, контактность значений слов с конкретной действительностью, концепция адресата и концепция адресанта. М. М. Бахтин писал, что мы говорим только определенными речевыми жанрами. Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык.

Кроме *прямых*, выделяют еще и *непрямые* речевые жанры: риторический или экзаменационный вопросы (экзаменатор сам знает ответ на свой вопрос), ультиматум (ср. бытовая угроза), исповедь как жанр публицистики (ср. исповедь в церкви). Многие речевые жанры имеют косвенный характер. *Косвенными* речевыми жанрами являются *флирт, шутка, намёк, светская беседа, розыгрыш, колкость*.

Характер содержания текста зависит от смысловых установок текстопорождающего субъекта, которые еще называют интенциями, замыслом, коммуникативными намерениями (от фр. *intention* < лат. *intendere* - затевать, замышлять). Смысловые установки передаются в тексте разными средствами: лексически (частицами, вводными словами и т.п.), изменением порядка слов, интонационными (для озвучиваемых и устных текстов), а также особыми графическими средствами (подчеркиванием, шрифтовыми выделениями, пунктуацией, в том числе и авторской). Задача адресата "разгадать" коммуникативные намерения создателя текста - автора или говорящего. Прежде

Обычно под текстом понимается **объединенная смысловой связью последовательность языковых знаков**. Его основными свойствами являются связанность (когезия, когерентность) и цельность. Основная единица текста - *сверхфразовое единство*, которое представляет собой сочетание нескольких содержательно и синтаксичес-

всего, этой цели подчинено понимание языковых единиц и их сочетаний. Важную роль при этом играют так называемые *предсуппозиции* - общий фонд знаний отправителя и получателя текста. В зависимости от предмета исследования (тех или иных составляющих порождения и восприятия текста) в нашей науке сформировались такие научные дисциплины, как лингвистика текста, структура текста, герменевтика текста (гр. *негменеийкз*) - истолкование (искусство) и др. Их, кстати, можно рассматривать как ответвления, существующие в рамках единой дисциплины - теории текста.

Согласно широкому подходу, текст - то же самое, что речь. В "узком" понимании текст - это *единица речи*. Однако ни один из этих подходов в определении текста не устраняет всех вопросов, связанных с его лингвистическим статусом. Ведь кроме текста к единицам речи относятся и предложения-высказывания, и абзацы, и сверхфразовые единства. Причем, по сложившейся традиции, каждой единице речи соответствует та или иная единица языка: высказыванию, например, соответствует предложение, словоформе - лексема. С какой же единицей в системе языка соотносится текст? Ситуация усугубляется попыткой некоторых ученых рассматривать сам текст как единицу *языковой системы*. Однако чтобы текст мог считаться единицей языка, он должен обладать воспроизводимостью. Текст же в его традиционном понимании - производимое в речи образование. А воспроизводимое, как известно, - главный признак *речевых явлений*.

В существующей концепции соотношения единиц языка и единиц речи [Алефиренко 2005, 58] текст не отвечает критериям, по которым те или иные сегменты речевых произведений обобщаются и абстрагируются в единицы языка. Считается, что они не обладают обязательным для единиц языка признаком воспроизводимости. Текст-производимое в речи образование. А воспроизводимое, как известно, - главный признак речевых образований. Можно, конечно, найти достойные контраргументы, обратившись к единицам с двойным статусом. Предложение, например, является и единицей языка (обобщенная структурная схема ряда однородных синтаксических построений), и единицей речи (конкретное предложение-высказывание); слово также выступает и единицей языка (лексема), и единицей речи (словоформа). Все это разделило исследователей на два противостоящих лагеря: одни настаивают на речевом статусе текста, другие, не отрицая его, ищут языковой корреляции. Точка зрения первых сводится к тому, что, в отличие от названных единиц языка/речи, тексты не могут быть обобщены в какие-либо схемы, абстрагированные модели. Более того, каждая единица языка имеет свои параметрические ограничения (длину, объем), то, что не свойственно тек-

сту. Его объем и длина не имеют каких-либо ограничений (М.А. Кронгауз); главное в ином: единицы должны создавать связные и целостные речевые произведения. В соответствии с этим текст интерпретируется как "объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются *связность* и *цельность*" (ЛЭС).

Позиция второй группы конструктивно-эвристическая. Ее наиболее ярко представляет концепция известного австрийского ученого В. Дресслера, который в 1973 г. предложил дихотомию "текст (единица речи) - *текстема* (единица языка), или *потенциальный текст* или *эмический текст*". Под текстемой понимается потенциальный текст в отличие от актуального, конкретно создаваемого речевого произведения. Текстема - своего рода "модель текста", наименование абстрактного инварианта, реализующегося в речи в виде конкретных вариантов - текстов. Иными словами, текстема - это некий тип текста, или текстотип. Однако данное понятие еще не вошло в актив научного поиска.

Все это создает достаточно сложную ситуацию: с одной стороны, неразумно отрицать наличия связи языка и текста, а с другой - также очевидно отсутствие между ними прямой корреляции. Это первая причина, вызвавшая поиск единицы, которая бы находилась между языком и текстом.

Это побуждает лингвистов понять, что лежит за предложением. Теория текста не могла в рамках своих исследовательских категорий осуществлять поиск природы и сущности единиц больших, чем предложение, но не вкладывающихся в понятие "текст". До определенного времени это понятие удовлетворяло лингвистику речи, рассматривающей текст как произведение речи - "реальное высказанное (написанное и т.п.) предложение или совокупность предложений <...>, могущее, в частности, служить материалом для наблюдения фактов данного языка" [Ахманова 2007, 365].

В приведенном определении уже первая фраза - "произведение речи" - требует своего пояснения. В. Б. Касевич разъясняет ее еще более емким определением: текст в широком смысле, в его интерпретации, - то же самое, что речь. Однако, осознавая, что все-таки текст и речь - понятия не равновесные, автор указывает ещё и на "узкое" понимание текста, согласно которому текст - это *единица речи*. Но и узкое определение текста не устраняет всех вопросов, связанных с его лингвистическим статусом. Ведь кроме текста к единицам речи относятся и предложения-высказывания, и абзацы, и сложные синтаксические целые. Причем, по сложившейся традиции, каждой единице речи соответствует та или иная единица языка: высказыванию, например, соответствует предло-

жение. С какой же единицей в системе языка соотносится текст? Ситуация усугубляется попыткой некоторых ученых без какой-либо аргументации относить текст к единицам языковой системы. Так, Т. М. Николаева определяет текст как объединенную смысловой связью последовательность знаковых единиц, как "язык в действии" (ЛЭС).

С середины XX века обосновывается мысль о том, что язык и текст пребывают в опосредованном взаимоотношении, для уяснения сущности которого используется понятие "дискурс".

2. Дискурс. Термин *дискурс* многозначен. Заимствован он из французского языка (нередко через посредство английского), в котором он приблизительно именуется то, что обозначается русским словом *речь* и термином *функциональный стиль*. В чем же необходимость его использования? Не является ли он дубликатом русских терминов? Этот вопрос неизбежно возникает у каждого, кто впервые обращается к этимологии этого термина и к содержанию выражаемого им понятия: дискурс (фр. *discours*, англ. *discourse* < лат. *discursus* - бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор) - это речь, процесс языковой деятельности, способ говорения. Многозначность термина позволяет использовать дискурсивный анализ в ряде гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, - лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии. Как видим, дискурс - понятие более широкое, чем текст [Алефиренко 2006, 6]. Поскольку это одновременно и процесс речевой деятельности и её результат (текст), дискурс стали рассматривать как *коммуникативное событие*.

Научные основы изучения дискурса были заложены французской и англо-американской научными школами. В середине XX века теория дискурса стала активно разрабатываться и в отечественном языкознании как продолжение лингвистики текста (Ю.Н. Караулов, В.В. Петров, Л.М. Макаров, И.С. Шевченко, А.В. Олянич). Дело в том, что к тому времени теория текста не могла в рамках своих исследовательских категорий осуществлять поиск природы и сущности единиц, с одной стороны, *больших, чем предложение*, а с другой - не вкладывающихся в понятие "текст". Решение этой проблемы как раз и возлагается на дискурсивный анализ. Тем более что выделенные свойства текста - *связность* и *цельность* - не только не противоречат сущности дискурса, но и во многом совпадают с его категориальными признаками. Однако такое совпадение следует считать внешним, поскольку по своему внутреннему устройству - это все же разные феномены. Если в тексте *связность* и *цельность* касается

формальных и семантических закономерностей его построения, то в дискурсе эти свойства отражают когнитивную и прагматическую сущность речемыслительных структур (англ. *cognitive* - относящийся к познанию; греч. *pragma* - дело, действие). Сторонники лингвистики текста могут возразить: дескать, когнитивных и прагматических свойств тексты также не лишены. Не случайно Т.М. Николаева отмечает: "Дискурс — многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст, 2) устно-разговорная форма текста, 3) диалог, 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу, 5) речевое произведение как данность — письменная или устная" [Николаева 1978, 29]. Еще более широко понимает дискурс Ю.С. Степанов, подводя под эту категорию всю совокупность текстов, за которой просматривается особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, — в конечном счете, особый мир. И все же и при таком понимании дискурс остается в рамках лингвистики текста.

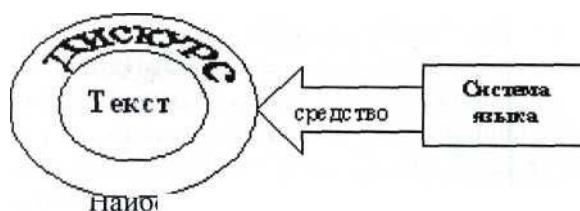
Действительно, текст и дискурс обладают многими общими или смежными свойствами. Разница, надо полагать, в ином. Текст по сути своей образование *линейное*: это, как уже упоминалось, объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц. Природа дискурса определяется его *нелинейной* организацией. А это позволяет его рассматривать в рамках лингвистической синергетики — науки, изучающей сложные и открытые саморазвивающиеся системы. Такой подход существенно отличается от дискурс-анализа, предложенного зарубежными лингвистическими школами, который, однако, также имеет право на использование в практике лингвистических исследований. Так, в современном языкознании встречается "жанровое" истолкование "нелинейного текста", согласно которому дискурс - это речемыслительная деятельность и ее продукты (сочинения одного автора, научные публикации и учебники, выступления по каналам СМИ политиков и деятелей культуры, деловые письма и религиозные проповеди), являющиеся средствами взаимного воздействия коммуникантов. В этом плане выделяют несколько типов дискурса: (1) институциональный, или, по Р. Барту, социализированный, (2) личностный, (3) научный, (4) публицистический, (5) юридический, (6) политический, (7) философский и т.п. Каждый из них обладает языковой, семантической и прагматической спецификой.

Наряду с выше изложенным пониманием, в отечественном языкознании все более устойчивым становится определение дискурса как сложного *коммуникативно-когнитивного* явления, в

состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации (Ю.Н. Караулов, В.В. Петров). Его наименьшими речевыми элементами являются высказывания, а внеязыковыми составляющими -излагаемые события, участники этих событий и обстоятельства, сопровождающие их.

Понимая высказывание как "атом дискурса", М. Фуко пытается определить компоненты и пределы самого высказывания. Высказывание -это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в устной коммуникации. Таким образом, высказывание оказывается "двуликим Янусом": с точки зрения механизма порождения, высказывание - *текст*; а с точки зрения условий текстопо-рождения, - *дискурс*.

Исходя из такого понимания, в настоящее время к исследованию дискурса привлекаются: теория речевых актов, этнография коммуникации, прагматика. Однако при всей привлекательности этой теории понятие "дискурс" не стоит резко отделять от языка. Ведь на самом деле дискурсивное пространство, в котором мы живем, находится в тесном взаимодействии с системой языка: *язык перетекает в дискурс, дискурс - обратно в язык*. По образному выражению А.-Ж. Греймаса, они как бы держатся друг под другом, словно ладони при игре в жгуты. Ученый полагает, что разграничение языка и дискурса является промежуточной операцией, от которой, в конечном счете, надлежит отречься. Видимо, отказаться прежде всего следует от жесткого противопоставления языка и дискурса, не считать его конечной фазой исследования, поскольку язык, дискурс и речь - сопряженные явления, обеспечивающие успешность рече-мыслительной деятельности. Схематически их взаимодействие можно показать следующим образом.

Наиболее лаконично предложенная схема интерпретируется так: *дискурс* - процесс, среда и условие порождения текста; *текст* — продукт дискурса, а язык - система единиц, служащих важнейшим средством дискурсивной деятельности, в результате которой появляется текст.

В завершение можно упомянуть о достаточно неожиданном, новаторском толковании дискурса Ю.С. Степановым. В мире дискурса, полагает ученый, действуют **свои** правила синонимических замен, **свои** правила истинности, **свой** этикет. **Это возможный (альтернативный) мир**" [Степанов 1995, 44-45] (выделено мною - Н.А.). И все же чаще дискурс рассматривается как сложное коммуникативное явление, включающее в себя, кроме текста, еще и внеязыковую информацию. В ведении дискурса и коммуникация, и прагматические ситуации. Своим коммуникативным планом он обращен к когнитивному состоянию коммуникантов, а прагматическим - к речевому употреблению. Тем самым теория дискурса открывает возможность моделировать типовые коммуникативные ситуации и "сценарии" репрезентации знаний в тексте.

Таким образом, во взаимодействии высказывания, речевого акта и дискурса обнаруживается определенная сопряженность. Во-первых, дискурс - это речемыслительное пространство, в котором наряду с речевыми высказываниями сосуществуют внеязыковые категории (знание мира, события, мнения, ценностные установки). Одновременно он является сложной системой знаний, которые формируются и выражаются посредством знаков языка и речи. Все это создает благоприятную почву для взаимоотношений языка и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. - М.: Флинта: Наука, 2005. - 416 с.
2. Алефиренко Н.Ф. Текст и дискурс в фо

кусе языковой личности // Языковая личность - текст - дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования. В 2-х ч. - Ч. 1. - Самара, 2006. - С. 6-10.

3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Изд 4-е, стереотип. - М.: КомКнига, 2007. - 576 с.

4. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация. -М.: Гнозис, 2006. 376 с.

5. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспектива // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1978. - Вып. 8. - С. 5-39.

6. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века. - М., 1995. - С. 35-73.

7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. - Л., 1974. 462 с.